

Михаил Булгаков Иван Васильевич

Комедия в трех действиях

Действуют:

Зинаида Михайловна – киноактриса.
Ульяна Андреевна – жена управдома Бунши.
Царица.
Тимофеев – изобретатель.
Милославский Жорж.
Бунша-Корецкий – управдом.
Шпак Антон Семенович.
Иоанн Грозный.
Якин – кинорежиссер.
Дьяк. Шведский посол.
Патриарх.
Опричники.
Стольники.
Гусляры.
Милиция.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом – комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому, радиоприемник, над которым работает Тимофеев. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет. Волосы у Тимофеева включенные, глаза от бессонницы красные. Он озабочен. Тимофеев нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук.

Тимофеев. Опять звук той же высоты...

Освещение меняется.

Свет пропадает в пятой лампе... Почему нет света? Ничего не понимаю. Проверим. (Вычисляет.) А два, а три... угол между направлениями положительных осей... Я ничего не понимаю. Косинус, косинус... Верно!

Внезапно в радиорупоре в передней возникает радостный голос, который говорит: "Слушайте продолжение "Псковитянки!" И вслед за тем в радиорупорегрнули колокола и заиграла хриплая музыка.

Мне надоел Иоанн с колоколами! И, кроме того, я отвинтил бы голову тому, кто ставит такой приемник. Ведь я же говорил ему, чтобы он снял, что я поправлю! У меня нету времени! (Выбегает в переднюю и выключает радио, и рупор, крякнув, умолкает. Возвращается к себе в комнату.) На чем я остановился?... Косинус... Да нет, управдом! (Открывает окно, высовывается, кричит.) Ульяна Андреевна! Где ваш драгоценный супруг? Не слышу! Ульяна

Андреевна, ведь я же просил, чтобы он убрал рупор! Не слышу. Чтобы он убрал рупор! Скажите ему, чтобы он потерпел, я ему поставлю приемник! Австралию он будет принимать! Скажите, что он меня замучил со своим Иоанном Грозным! И потом, ведь он же хрипит! Да ру-

пор хрипит! У меня нет времени! У меня колокола в голове играют. Не слышу! Ну, ладно. (Закрывает окно.) На чем я остановился?... Косинус... У меня висок болит... Где же Зина? Чаю бы выпить сейчас. (Подходит к окну.) Какой странный человек... в черных перчатках... Чего ему надо? (Садится.) Нет, еще раз попробую. (Жмет кнопки в аппарате, отчего получается дальний певучий звук и свет в лампах меняется.) Косинус и колокола... (Пишет на бумажке.) Косинус и колокола... и колокола... то есть косинус... (Зевает.) Звенит, хрипит... вот музыкальный управдом... (Поникает и засыпает тут же у аппарата.)

Освещение в лампах меняется. Затем свет гаснет. Комната Тимофеева погружается во тьму, и слышен только дальний певучий звук. Освещается передняя. В передней появляется Зинаида Михайловна.

Зинаида (в передней, прислушивается к певучему звуку). Дома. Я начинаю серьезно бояться, что он сойдет с ума с этим аппаратом. Бедняга!... А тут его еще ждет такой удар... Три раза я разводилась... ну да, три, Зузина я не считаю... Но никогда еще я не испытывала такого волнения. Воображаю, что будет сейчас! Только бы не скандал! Они так утомляют, эти скандалы... (Пудрится.) Ну, вперед! Лучше сразу развязать гордиев узел... (Стучит в дверь.) Кока, открой!

Тимофеев (в темноте). А, черт возьми!... Кто там еще?

Зинаида. Это я, Кока.

Комната Тимофеева освещается. Тимофеев открывает дверь. Вместо радиоприемника – странный, невиданный аппарат.

Кока, ты так и не ложишься? Кока, твой аппарат тебя погубит. Ведь нельзя же так! И ты меня прости, Кока, мои знакомые утверждают, что увидеть прошлое и будущее невозможно. Это просто безумная идея, Кокочка. Утопия.

Тимофеев. Я не уверен, Зиночка, что твои знакомые хорошо разбираются в этих вопросах. Для этого нужно быть специалистом.

Зинаида. Прости, Кока, среди них есть изумительные специалисты.

Тимофеев. Пойми, что где-то есть маленькая ошибка, малюсенькая! Я чувствую ее, ощущаю, она вот тут где-то... вот она бродит! И я ее поймаю.

Зинаида. Нет, он святой!

Пауза. Тимофеев занят вычислениями.

Ты прости, что я тебе мешаю, но я должна сообщить тебе ужасное известие... Нет, не решаюсь... У меня сегодня в кафе свистнули перчатки. Так курьезно! Я их положила на столик и... я полюбила другого. Кока... Нет, не могу... Я подозреваю, что это с соседнего столика... Ты понимаешь меня?

Тимофеев. Нет... Какой столик?

Зинаида. Ах, боже мой, ты совсем отупел с этой машиной!

Тимофеев. Ну, перчатки... Что перчатки?

Зинаида. Да не перчатки, а я полюбила другого. Свершилось!...

Тимофеев мутно смотрит на Зинаиду.

Только не возражай мне... и не нужно сцен. Почему люди должны расстаться непременно с драмой? Ведь согласишься, Кока, что это необязательно. Это настоящее чувство, а все остальное в моей жизни было заблуждением... Ты спрашиваешь, кто он? И, конечно, думаешь, что это Молчановский? Нет, приготовься: он кинорежиссер, очень талантлив... Не будем больше играть в прятки, это Якин. Тимофеев. Так...

Пауза.

Зинаида. Однако, это странно! Это в первый раз в жизни со мной. Ему сообщают, что жена ему изменила, ибо я действительно тебе изменила, а он – так! Даже как-то невежливо!

Тимофеев. Он... этого... как его... блондин, высокий?

Зинаида. Ну, ужэто безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин Молчановский, запомни это! А Якин – он очень талантлив!

Пауза.

Ты спрашиваешь, где мы будем жить? В пять часов я уезжаю с ним в Гагры выбирать место для съемки, а когда мы вернемся, ему должны дать квартиру в новом доме, если, конечно, он не врет...

Тимофеев (мутно). Наверно, врет.

Зинаида. Как это глупо, из ревности оскорблять человека! Не может же он каждую минуту врать.

Пауза.

Я долго размышляла во время последних бессонных ночей и пришла к заключению, что мы не подходим друг к другу. Я вся в кино... в искусстве, а ты с этим аппаратом... Однако я все-таки поражаюсь твоему спокойствию! И даже как-то тянет устроить сцену. Ну, что же... (Идет за ширму и выносит чемодан.) Я уже уложились, чтобы не терзать тебя. Дай мне, пожалуйста, денег на дорогу, я тебе верну с Кавказа.

Тимофеев. Вот сто сорок... сто пятьдесят три рубля... больше нет.

Зинаида. А ты посмотри в кармане пиджака.

Тимофеев (посмотрев). В пиджаке нет.

Зинаида. Ну, поцелуй меня. Прощай, Кока. Все-таки как-то грустно... Ведь мы прожили с тобой целых одиннадцать месяцев!... Поражаюсь, решительно поражаюсь!

Тимофеев целует Зинаиду.

Но ты пока не выписывай меня все-таки. Мало ли что может случиться. Впрочем, ты такой подлости никогда не сделаешь. (Выходит в переднюю, закрывает за собой парадную дверь.)

Тимофеев (тупо смотрит ей вслед). Один... Как же я так женился? На ком? Зачем? Что это за женщина? (У аппарата.) Один... А впрочем, я ее не осуждаю. Действительно, как можно жить со мной? Ну что же, один так один! Никто не мешает зато... Пятнадцать... шестнадцать...

Певучий звук. В передней звонок. Потом назойливый звонок.

Ну как можно работать в таких условиях!... (Выходит в переднюю, открывает парадную дверь.)

Входит Ульяна Андреевна.

Ульяна. Здравствуйте, товарищ Тимофеев. Иван Васильевич к вам не заходил?

Тимофеев. Нет.

Ульяна. Передайте Зинаиде Михайловне, что Марья Степановна говорила: Анне Ивановне маникюрша заграничную материю предлагает, так если Зинаида...

Тимофеев. Я ничего не могу передать Зинаиде Михайловне, потому что она уехала.

Ульяна. Куда уехала?

Тимофеев. С любовником на Кавказ, а потом они будут жить в новом доме, если он не

врет, конечно...

Ульяна. Как с любовником?! Вот так так! И вы спокойно об этом говорите! Оригинальный вы человек!

Тимофеев. Ульяна Андреевна, вы мне мешаете.

Ульяна. Ах, простите! Однако у вас характер, товарищ Тимофеев! Будь я на месте Зинаиды Михайловны, я бы тоже уехала.

Тимофеев. Если бы вы были на месте Зинаиды Михайловны, я бы повесился.

Ульяна. Вы не смеете под носом у дамы дверь захлопывать, грубиян! (Уходит.)

Тимофеев (возвращаясь в свою комнату). Чертова кукла!

Нажимает кнопки в аппарате, и комната его исчезает и полной темноте. Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется Милославский, дурно одетый, с артистическим бритым лицом человек в черных перчатках.

Прислушивается у двери Тимофеева.

Милославский. Весь мир на службе, а этот дома. Патефон починает. (У дверей Шпака читает надпись.) Шпак Антон Семенович. Ну что же, зайдем к Шпаку... Какой замок комичный. Мне что-то давно такой не попадался. Ах нет, у вдовы на Мясницкой такой был. Его надо брать шестым номером. (Вынимает отмычки.) Наверно, сидит в учреждении и думает: ах, какой чудный замок я повесил на свою дверь! Но на самом деле замок служит только для одной цели: показать, что хозяина дома нет... (Открывает замок, входит в комнату Шпака, закрывает за собой дверь так, что замок остается на месте.) Э, какая прекрасная обстановка!... Это я удачно зашел... Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство! И какой аккуратный, даже свой служебный номер записал. А раз записал, первым делом нужно ему позвонить, чтобы не было никаких недоразумений. (По телефону.) Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Бонжур. Товарищ Шпак, вы до самого конца сегодня на службе будете?... Говорит одна артистка... Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до четырех будете? Я вам еще позвоню, я очень настойчивая... Нет, блондинка. Контральто. Ну, пока. (Кладет трубку.) Страшно удивился. Ну-с, начнем... (Взламывает шкаф, вынимает костюм.) Шевиот... О!... (Снимает свой, завязывает в газету, надевает костюм Шпака.) Как на меня шит... (Взламывает письменный стол, берет часы с цепочкой, кладет в карман портсигар.) За три года, что я не был в Москве, как они все вещами пообзавелись! Приятно работать. Прекрасный патефон... И шляпа... Мой номер. Приятный день!... Фу, устал! (Взламывает буфет, достает водку, закуску, выпивает.) На чем это он водку настаивает? Прелестная водка!... Нет, это не польнь... А уютно у него в комнате... Он и почитать любит... (Берет книгу, читает.) "Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой... Ковшами золотыми столов блистает ряд, разгульные за ними опричники сидят..." Славное стихотворение! Красивое стихотворение!... "Да здравствуют тиуны, опричники мои! Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи..." Мне нравится это стихотворение. (По телефону.) Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один... Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Это я опять... Скажите, на чем вы водку настаиваете?... Моя фамилия таинственная... Из Большого театра... А какой вам сюрприз сегодня выйдет!... "Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой..." (Кладет трубку.) Страшно удивляется. (Выпивает.) "Ковшами золотыми столов блистает ряд..."

Комната Шпака погружается в тьму, а в комнату Тимофеева набирается свет. Аппарат теперь чаще дает певучие звуки, и время от времени вокруг аппарата меняется освещение.

Тимофеев. Светится. Светится! Это иное дело...

Парадная дверь открывается, и входит Бунша. Первым делом обращает свое внимание на радиоаппарат.

Бунша. Неимоверные усилия я затрачиваю на то, чтобы вносить культуру в наш дом. Я его радиофицировал, но они упорно не пользуются радио. (Тычет вилкой в штепсель, но аппарат молчит.) Антракт. (Стучит в дверь Тимофеева.)

Тимофеев. А, кто там, войдите... чтоб вам провалиться!...

Бунша входит.

Этого не хватало!...

Бунша. Это я, Николай Иванович.

Тимофеев. Я вижу, Иван Васильевич. Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой... Я занят, Иван Васильевич, простите.

Бунша. Это домовая книга. У меня нет внуков. И если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить. У нас в доме думают, что можно не платить, а на самом деле нельзя. Вообще наш дом удивительный. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно.

Тимофеев. Ей-богу, я ничего не понимаю! Вам лечиться надо, князь!

Бунша. Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу, и таким образом очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея.

Тимофеев. Ну, если вы сын кучера, тем лучше. Но у меня нет денег, Иван Пантелеевич.

Бунша. Нет, вы меня называйте согласно документам – Иваном Васильевичем.

Тимофеев. Хорошо, хорошо. Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру.

Тимофеев. Я вам говорю, нет сейчас денег... Меня жена бросила, а вы меня истязаете.

Бунша. Позвольте, что же вы мне не заявили?

Тимофеев. А вам-то что за дело.

Бунша. Такое дело, что я должен ее немедленно выписать.

Тимофеев. Она просила не выписывать.

Бунша. Все равно, я должен отметить в книге это событие. (Отмечает в книге.) Я присяду.

Тимофеев. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Бунша. Нет, вы объясните. Я передовой человек. Вчера была лекция для управдомов, и я колоссальную пользу получил. Почти все понял. Про стратосферу. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают.

Тимофеев. Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите!

Бунша. Наш дом вообще очень странный. Шпак все время красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы неизвестную машину сделали.

Тимофеев. Вот мученье, честное слово!

Бунша. Я умоляю вас, Николай Иванович, вы насчет своей машины заявите. Ее зарегистрировать надо, а то во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, что весь наш дом рухнет. А это знаете... и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Тимофеев. Какая же сволочь эту ерунду говорила?

Бунша. Я извиняюсь, это моя жена Ульяна Андреевна говорила.

Тимофеев. Виноват! Почему эти дамы болтают чепуху? Я знаю, это вы виноваты. Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете и, главное, врете!

Бунша. После этих кровных оскорблений я покидаю квартиру и направляюсь в милицию. Я – лицо, занимающее ответственный пост управдома, и обязан наблюдать.

Тимофеев. Стойте!... Извините меня, я погорячился. Ну хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над проникновением во время... Да, впрочем, как я вам объясню, что такое время? Ведь вы же не знаете, что такое четырехмерное пространство, движение... И вообще... словом, поймите, что это не только не взорвется, но принесет стране неслыханную пользу... Ну, как бы вам попроще... я, например, хочу пронизать сейчас пространство и пойти в прошлое...

Бунша. Пронизать пространство? Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции. У меня, как у управдома, чувство тревоги от таких опытов во вверенном мне доме. Стоит таинственная машина, запертая на ключ...

Тимофеев. Что?! Ключ? Иван Васильевич, спасибо! Спасибо! Вы гениальны! Ключ! Ах, я рассеянный болван! Я работал при запертом механизме... Стойте! Смотрите! Смотрите, что сейчас произойдет... Попробуем на близком расстоянии... маленький угол... (Поворачивает ключ, нажимает кнопку.) Смотрите, мы пойдем сейчас через пространство во время... назад... (Нажимает кнопку.)

Звон. Тьма. Потом свет.

Стенка между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий Милославский с книжкой в руках.

(Исступленно.) Вы видели?

Милославский. А, чтоб тебя черт... Что это такое?

Бунша. Николай Иванович, куда стенка девалась?!

Тимофеев. Удача! Удача! Я вне себя! Вот оно? Вот оно!...

Бунша. Неизвестный гражданин в комнате Шпака!

Милославский. Я извиняюсь, в чем дело? Что случилось? (Забирает патефон, свой узел и выходит в комнату Тимофеева.) Тут сейчас стенка была!

Бунша. Николай Иванович, вы будете отвечать за стенку по закону. Вот вы какую машину сделали! Полквартиры исчезло!

Тимофеев. Да ну вас к черту с вашей стенкой! Ничего ей не сделается!... (Жмет кнопку аппарата.)

Тьма. Свет. Стенка становится на место, закрывает комнату Шпака.

Милославский. Видел чудеса техники, но такого никогда!

Тимофеев. О боже, у меня кружится голова!... Нашел, нашел! О человечество, что ждет тебя!...

Бунша (Милославскому). Я извиняюсь, вы кто же такой будете?

Милославский. Кто я такой буду, вы говорите? Я дожидаюсь моего друга Шпака.

Бунша. А как же вы дожидаетесь, когда дверь снаружи на замок закрыта?

Милославский. Как вы говорите? Замок? Ах да... он за "Известиями" пошел на угол, купить, а меня... это... запер...

Тимофеев. Да ну вас к черту! Что за пошлые вопросы! (Милославскому.) Понимаете, я пронзил время! Я добился своего!...

Милославский. Скажите, это, стало быть, любую стенку можно так убрать? Вашему изобретению цены нет, гражданин! Поздравляю вас! (Бунше.) А что вы на меня так смотрите, отец родной? На мне узоров нету и цветы не растут.

Бунша. Меня терзает смутное сомнение. На вас такой же костюм, как у Шпака!

Милославский. Что вы говорите? Костюм? А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве? Мы с ним друзья и всегда в одном магазине покупаем материю. Удовлетворяет вас это?

Бунша. И шляпа такая же.

Милославский. И шляпа.

Бунша. А ваша фамилия как?

Милославский. Я артист государственных больших и камерных театров. А на что вам моя фамилия? Она слишком известная, чтобы я вам ее называл.

Бунша. И цепочка такая же, как у Шпака.

Милославский. Э, какой вы назойливый!... Шляпа, цепочка... это противно!... Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный...

Тимофеев. Оставьте вы, в самом деле, гражданина в покое. (Милославскому.) Может быть, вы хотите вернуться в комнату Шпака? Я открою вам стенку.

Милославский. Ни в коем случае. Я на него обижен. В самом деле, пошел за газетой и пропал. Может быть, он два часа будет ходить. Я лучше на этот опыт посмотрю, он мне очень понравился.

Тимофеев (жмет ему руку). Я очень рад! Вы были первый, кто увидел... Вы, так сказать, первый свидетель.

Милославский. Никогда еще свидетелем не приходилось быть! Очень, очень приятно!... (Бунше.) Вот смотрит! Вы на мне дыру протрете!

Тимофеев. Это наш управдом.

Милославский. Ах, тогда понятно!... Шляпа, цепочка... ах, какая противная должность! Сколько я от них неприятностей имел, если бы вы знали, гражданин ученый.

Тимофеев. Не обращайтесь на него внимания.

Милославский. И то правда.

Тимофеев. Вы понимаете, гражданин артист...

Милославский. Как же не понять? Скажите, и в магазине можно так же стенку приподнять? Ах, какой увлекательный опыт!

Бунша. Вы с патефоном пришли к Шпаку?

Милославский. Он меня доконает! Это что же такое, а?

Тимофеев (Бунше). Вы перестанете приставать или нет? (Милославскому.) Поймите, дело не в стенке, это только первое движение! Дело в том, что, минуя все эти стенки, я могу проникнуть во время! Вы понимаете, я могу двинуться на двести, триста лет назад или вперед! Да что на триста!... Нет, такого изобретения не знал мир!... Я волнуюсь!... Меня бросила жена сегодня, но понимаете... Ах!...

Милославский. Гражданин профессор, не расстраивайтесь, за вас выйдет любая! Вы плюньте, что она вас бросила!

Бунша. Я уж ее выписал.

Милославский (Бунше). Тыфу на вас!... Без отдыха пирует Иван Васильич

Грозный... Ах, какое изобретение! (Стучит по стенке.) Поднял – вошел, вышел – закрыл! Ах ты, боже мой!...

Тимофеев. У меня дрожат руки... я не могу терпеть... Хотите, проникнем в прошлое?... Хотите, увидим древнюю Москву?... Неужели вам не страшно? Вы не волнуетесь?

Бунша. Николай Иванович! Одумайтесь, прежде чем такие опыты в жакте делать!

Милославский. Если ты еще раз вмешаешься в опыт гражданина академика, я тебя! Что это за наказание? (Тимофееву.) Валяйте!

Тимофеев жмет кнопки у аппарата. Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна Грозного. Иоанн, с посохом, в царском одеянии, сидит в кресле, а перед Иоанном, примостившись у стола, пишет Дьяк. На плечах у Иоанна наброшена поверх одеяния опричинская ряса. Слышится далекое церковное пение, колокольный мягкий звон.

Иоанн (диктует)...И руководителю...

Дьяк (пишет)...И руководителю...

Иоанн. К пренебесному селению преподобному игумну Козьме...

Дьяк...Козьме...

Иоанн...Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...

Дьяк...Всея Руси...

Иоанн... Челом бьет.
Тимофеев. О боже! Смотрите! Да ведь это Иоанн!...
Милославский. Елки-палки!...

Иоанн и Дьяк поворачивают головы, услышав голоса. Дьяк вскрикивает и убегает из палаты. Иоанн вскакивает, крестится.

Иоанн. Сгинь! Пропади! Увы мне, грешному!... Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох!... Сгинь! (Ища выхода, в испуге бросается в комнату Тимофеева, крестит стены, мечется, бежит в переднюю, скрывается.)

Тимофеев. Это Иоанн Грозный! Куда вы?... Стойте!... Боже мой, его увидят!... Держите его! (Убегает вслед за Иоанном.)

Бунша бросается к телефону.

Милославский. Ты куда звонить собрался?!

Бунша. В милицию!

Милославский. Положь трубку, я тебе руки обоблю! Не может жить без милиции ни одной секунды!

В палату врывается Опричник.

Опричник. Где демоны? Гойда! Бей их! (Бунше.) Где царь?

Бунша. Не знаю!... Караул!...

Милославский. Закрой машину! Машину закрой!

Опричник (крестясь). Ой, демоны!... (Бросает бердыш, исчезает из палаты.)

Милославский. Закрывай! Ключ поверни! Ключ! Вот так машинка!...

Бунша жмет кнопки, вытаскивает ключ. В то же мгновение – звон. Занавеска на окне вздувается, понесло бумаги, Буншу потащило в палату, он роняет очки.

Бунша. Спасите!... Куда меня тащит?!... Милославский. Куда же ты двинул, черт, машину?!

Понесло Милославского.

Тьма. Свет. Нет палаты. Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши ни Милославского. Остался только патефон, и сверток, и очки. Появляется

Тимофеев.

Тимофеев. Он на чердаке заперся! Помогите мне его оттуда извлечь!... Боже, где же они? А? (Бросается к аппарату.) Они двинули стрелку в обратную сторону! Их унесло?... Что же это будет?... Бунша! Бунша! Иван Васильевич!

Дальний крик Иоанна.

Этот на чердаке орет!... Но ключ? Где же ключ?... Боже, они ключ вытащили! Что делать, позвольте!... Что делать-то, а?... Нету ключа... Ну да, вынули ключ... Иван Васильевич! Зачем же вы ключ-то вынули?! Впрочем, кричать бесполезно. Они ключ захватили с собою. Вернуть того в комнату? (Убегает.)

Пауза.

Открывается парадная дверь, и входит Шпак.

Шпак. Какая-то тревога у меня с тех пор, как эта блондинка из Большого театра позвонила... Не мог досидеть на службе... (Трогает замок на своей двери.) Батюшки!...

Комната Шпака освещается.

(Входит, бросается к письменному столу.) Батюшки! (Бросается к шкафу.) Батюшки! (По телефону.) Милицию!! Милиция?! В Банном переулке десять – грандиозная кража, товарищ!... Кого обокрали? Конечно, меня! Шпак! Шпак моя фамилия! Блондинка обокрала!

В радио заиграла музыка.

Товарищ начальник... Это радио играет! Пальто и костюмы!... Что же вы сердитесь? Слушаете? Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам! Батюшки мои, батюшки!... (Рыдая, бросается из комнаты и скрывается за парадной дверью.)

В радио гремит музыка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Тимофеева. В ней – Иоанн и Тимофеев. Оба в волнении.

Иоанн. О боже мой, господи, вседержитель!

Тимофеев. Тсс... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Мы наживем страшную беду и, во всяком случае, скандал. Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

Иоанн. Ох, тяжело мне! Молви еще раз, ты не демон?

Тимофеев. Ах, помилуйте, я же на чердаке вам объяснил, что я не демон. Иоанн. Ой, не лги! Царю лжешь! Не человеческим хотением, но божьим соизволением царь есмь!

Тимофеев. Очень хорошо. Я понимаю, что вы царь, но на время прошу вас забыть об этом. Я вас буду называть не царем, а просто Иваном Васильевичем. Поверьте, для вашей же пользы.

Иоанн. Увы мне, Ивану Васильевичу, увы, увы!...

Тимофеев. Что же делать, я понимаю ваше отчаяние. Действительно, происшествие удручающее. Но кто же мог ожидать такой катастрофы? Ведь они ключ унесли с собой! Яне могу вас отправить обратно сейчас... И вы понимаете, что они оба сейчас там, у вас! Что с ними будет?

Иоанн. Пес с ними! Им головы отрубят, и всего делов!

Тимофеев. Как отрубят головы?! Боже, я погубил двоих людей! Это невысказано! Это чудовищно!

Пауза.

Вы водку пьете?

Иоанн. О горе мне!... Анисовую.

Тимофеев. Нет анисовой у меня. Выпейте горного дубнячку, вы подкрепитесь и придете в себя. Я тоже. (Вынимает водку, закуску.) Пейте.

Иоанн. Отведай ты из моего кубка.

Тимофеев. Зачем это? Ах да... Вы полагаете, что я хочу вас отравить? Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо легче отравиться, нежели водкой. Пейте смело.

Иоанн. Ну, здрав буди. (Пьет.)

Тимофеев. Покорно благодарю. (Пьет.)

Иоанн. Как твое имя, кудесник?

Тимофеев. Меня зовут Тимофеев.

Иоанн. Князь?

Тимофеев. Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера.

Иоанн. Ах, сволочь!

Тимофеев. Нет, как подумаю, что они там, с ума схожу!... Пейте. Закусите ветчинкой.

Иоанн. День-то постный...

Тимофеев. Ну, кильками.

Иоанн. Ключница водку делала?

Тимофеев. Ну, пускай будет ключница... долго объяснять...

Иоанн. Так это, стало быть, ты такую машину сделал?... Ох-хо-хо!... У меня тоже один был такой... крылья сделал...

Тимофеев. Ну те-с?...

Иоанн. Я его посадил на бочку с порохом, пушай полетает!...

Тимофеев. Ну зачем же вы так круто? Иоанн. Ты, стало быть, тут живешь? Хоромы-то тесные.

Тимофеев. Да уж, хоромы неважные.

Иоанн. А боярыня твоя где? В церкви, что ли?

Тимофеев. Не думаю. Моя боярыня со своим любовником Якиным на Кавказ сегодня убежала.

Иоанн. Врешь!

Тимофеев. Ей-богу!

Иоанн. Ловят? Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело...

Тимофеев. Нет, зачем же? Нет... Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы.

Иоанн. И то правда. Ты добрый человек... Ах ты, боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли! Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!

Тимофеев. Понимаете, я сам бы сейчас побежал к слесарю, но дома ни копейки денег, все жене отдал. Иоанн. Чего? Денег? (Вынимает из кармана золотую монету.)

Тимофеев. Золото? Спасены! Я сейчас в ювелирный магазин, потом к слесарю, он сделает ключ, мы откроем аппарат.

Иоанн. Я с тобой пойду.

Тимофеев. По улице? О нет, Иван Васильевич, это невозможно! Вы останетесь здесь и ничем не выдавайте себя. Я даже вас запру, и если кто будет стучать, не открывайте. Да никто прийти не может. Спасибо Якину, что жену увез... Словом, ждите меня, сидите тихо.

Иоанн. О господи!...

Тимофеев. Через час я буду здесь. Сидите тихо!

Тимофеев, закрыв дверь своей комнаты, уходит. Иоанн один, рассматривает вещи в комнате. На улице послышался шум автомобиля. Иоанн осторожно выглядывает в окно, отскакивает. Пьет водку.

Иоанн (тихо напевает). Сделал я великие прегрешения... пособи мне, господи... пособи, чудотворцы московские...

В дверь стучат. Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается.

Ульяна (за дверью). Товарищ Тимофеев, простите что опять осмелилась беспокоить во время вашей семейной драмы... Что, Ивана Васильевича не было у вас? Его по всему дому ищут. Товарищ Тимофеев, вы не имеете права отмалчиваться! Вы, товарищ Тимофеев, некультурный человек!

Иоанн крестит дверь, и голос Ульяны пропадает.

Иоанн. Что крест животворящий делает! (Пьет водку.)

Пауза. Потом в двери поворачивается ключ. Иоанн крестит дверь, но это не помогает. Тогда Иоанн прячется за ширму. Дверь открывается, и входит Зинаида. Бросает чемоданчик. Расстроена.

Зинаида. Какой подлец! Все разрушено! И я... зачем же я открыла все этому святому человеку?... (Смотрит на стол.) Ну, конечно, запил с горя!... Да, запил... И патефон... откуда же патефон? Хороший патефон... Кока, тебя нет? Ничего не понимаю!... Здесь оргия какая-то была... Он, наверно, за водкой пошел... С кем он пил? (Разворачивает сверток.) Штаны! Ничего не понимаю! (Заводит патефон, вздыхает.)

Иоанн за ширмой припадает к щелке.

И вот опять здесь... обманутая самым наглым образом...

Через некоторое время на парадном звонок. Зинаида выходит в переднюю, открывает дверь. Входит Якин, молодой человек в берете и штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка.

Якин. Зина, это я.

Зинаида. Как? Это вы?! Вон! (Уходит в комнату Тимофеева.)

Якин (у дверей). Зинаида Михайловна, вы одни? Откройте, прошу вас!

Зинаида. Я негодяям принципиально не открываю.

Якин. Зина! Я молю вас, Зина, я вам сейчас же все объясню. Зина, выслушайте меня.

Зинаида открывает дверь.

(Входя, в комнату Тимофеева.) Зиночка, что случилось? Почему вы убежали? Я не понимаю...

Зинаида. Карп Савельевич, вы негодяй!

Якин. Боже, какие слова! Зиночка, это недоразумение, клянусь кинофабрикой!

Зинаида. Недоразумение!... Он объяснит!... Я бросаю мужа, этот святой человек теперь пьянствует как черт знает что, я покидаю чудную жилплощадь, расстаюсь с человеком, который молился на меня, сдувал пылинки... гениального изобретателя!... Еду к этому подлецу, и...

Якин. Зина, какие слова!...

Зинаида. Вы еще не знаете настоящих слов! И за два часа до нашего отъезда я застаю у него неизвестную, даму...

Якин. Зина!...

Зинаида. Которую он нежно держит за руку!...

Якин. Зиночка, я проверял с нею сцену! Это моя профессиональная обязанность!

Зинаида. Хватать за локти? Нет, хватать за локти, вы ответьте! (Дает

Якину пощечину.)

Якин. Зинаида Михайловна! Товарищи, что это такое?!

Зинаида. Вон!

Якин. Зинаида, поймите, ведь это же эпизод! Она же курносая!

Зинаида. Как? Она будет сниматься?

Якин. Маленькая роль... Крохотный, малюсенький эпизодик! Я же не могу снимать картину без курносой! И потом, позвольте, вы меня ударили! Режиссера?!

Зинаида. Снимайте курносых, безносых, каких хотите!... С меня довольно! Я уйду к Ко-

сому, в постановку "Бориса Годунова"!

Якин. Косой – халтурщик! Никакой постановки у него не будет!

Зинаида. Я извиняюсь, постановка утверждена! И я буду играть царицу! Я не интересуюсь больше вашими "Золотыми яблоками" в Гаграх.

Якин. Да поймите же, что у него нет никого на роль Иоанна Грозного! Картину законсервируют ко всем чертям, и тогда вы вспомните меня, Зинаида!

Зинаида. Нет Иоанна? Простите, я уже репетировала с ним.

Якин. Где вы репетировали?

Зинаида. Здесь же, у себя на квартире... И когда мы проходили то место, где Бориса объявляют царем, Косой, уж на что твердый человек, заплакал, как ребенок!...

Якин. Репетировать за моей спиной? Это предательство, Зинаида! Кто играет Бориса, царя? Кто?

Иоанн (выходя из-за ширмы). Какого Бориса-царя? Бориску?!

Зинаида и Якин застывают.

А подойди-ка сюда, милый!

Зинаида. Господи, что это такое?!

Якин. Как, вы действительно репетируете? Боже, какой типаж!

Зинаида. Кто это такой?!

Иоанн. Бориса на царство?... Так он, лукавый, презлым заплатил царю за предобрейшее!... Сам хотел царствовать и всем владети!... Повинен смерти!

Якин. Bravo!

Зинаида. Боже мой... Якин, объясните мне... Якин, спрячьте меня!...

Иоанн. Ну, ладно! Потолкует Борис с палачом опосля! (Якину.) Почто ты боярыню обидел, смерд?

Якин. Замечательно! Поразительно! Невиданно!... Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Позвольте представиться: Карп Якин. Двадцать тысяч, а завтра в девять часов утра фабрика подписывает с вами контракт. Ставить буду я. Как ваша фамилия?

Иоанн. Ах ты бродяга! Смертный прыщ!

Якин. Bravo! Зинаида, как же вы скрыли от меня это?!

Иоанн бьет Якина жезлом.

Позвольте!! Что вы, спятили?... Довольно!...

Иоанн. На колени, червь! (Хватает Якина за бороду.)

Якин. Это переходит границы! Это хулиганство!

Зинаида. Очевидно, я сошла с ума... Кто вы такой? Кто вы такой?

Иоанн. Князь Тимофеев, ко мне! Поймали обидчика, сукина сына Якина!

Якин. На помощь!... Граждане!... Кто-нибудь...

Зинаида. Помогите! Кто он такой?! Разбойник! В квартире разбойник!

В передней появляется Шпак, прислушивается к крикам.

Ах нет! Боже мой, я поняла! Это настоящий царь! Это Коке удался опыт! (Иоанну.) Умоляю, отпустите его!

Иоанн (выхватывает из-под кафтана нож, кричит Якину). Молись, щучий сын!

Шпак заглядывает в дверь.

Живота или смерти, проси у боярыни?

Якин (хрипит). Живота...

Иоанн. Подымайся, гад!

Якин. Что же это такое, я вас спрашиваю? (Шпаку.) Гражданин, спасите от разбойника!

Шпак. Репетируете, Зинаида Михайловна?

Зинаида. Репе... репетируем...

Якин. Какая же это репе... Гражданин!

Иоанн. Что?... Целуй руку! Учили тебя, подлеца!

Якин. Руку? Я не жел... Сейчас, сейчас... (Целует руку Иоанну.)

Зинаида (Иоанну). Умоляю вас, сядьте!

Иоанн садится.

Шпак. Натурально как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна! (Заливается слезами.)

Якин пытается скрыться.

Иоанн. Куды?

Якин. Я здесь, я здесь...

Зинаида (Шпаку). Погодите, я ничего не понимаю. Как обокрали?

Шпак. Начисто, Зинаида Михайловна! Я извиняюсь, граждане, никто не встречал на лестнице блондинку из Большого театра сузлами? Она и обработала... Вот какой домик у нас, Зинаида Михайловна!

Иоанн. Убиваешься, добрый человек?

Шпак. Гражданин артист, как же не убиваться?...

Иоанн. Чего взяли-то у тебя?

Шпак. Патефон, портсигар, зажигалку, часы, коверкотовое пальто, костюм, шляпу... все, что нажил непосильными трудами, все погибло!... (Плачет.)

Иоанн. Ты чьих будешь?

Шпак. Я извиняюсь, чего это – чьих, я не понимаю?

Иоанн. Чей холоп, говорю?

Зинаида. О боже, что сейчас будет!...Шпак. Довольно странно!...

Иоанн (вынув монету). Бери, холоп, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!...

Зинаида. Не надо, что вы делаете?!

Шпак. Извиняюсь, что это вы все – холоп да холоп! Какой я вам холоп? Что это за слово такое?

Зинаида. Он пошутил!

Шпак. За такие шутки в народный суд влететь можно. Да не нужна мне ваша монетка, она ненастоящая.

Иоанн. Ты что же, лукавый смерд, от царского подарка отказываешься?

Зинаида. Это он из роли, из роли...

Шпак. Эта роль ругательная, и я прошу ее ко мне не применять. До свиданья, Зинаида Михайловна, и не рад, что зашел. Где Иван Васильевич? Я хочу, чтобы он засвидетельствовал жуткую покражу в моей квартире... (Уходит.)

Зинаида. Выслушайте меня. Карп, только умоляю вас, спокойно. Это – настоящий Иоанн Грозный... Не моргайте глазами.

Якин. Ваш дом, Зинаида, сумасшедший!...

Зинаида. Нет, это Кокина работа. Я вам говорила про его машину... что он вызвать хочет не то прошлое, нето будущее... Это он вызвал из прошлого царя.

Якин. Бред!

Зинаида. Я сама близка к помешательству...

Якин (всмотревшись в Иоанна). Товарищи, что это такое?... (Зинаиде.) Что? Что?! Вы правду говорите?!

Зинаида. Клянусь!

Якин. Позвольте! В наши дни, в Москве!... Нет, это... Он же умер!

Иоанн. Кто умер?

Якин. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... который... Доктора мне!... Я, кажется, сошел с ума... Да ведь он же мог меня зарезать! Иоанн. Подойди! Подойди и отвечай! Доколе же ты...

Якин. Аз семь... умоляю, не хватайтесь за ножик!... Я сплю... Зинаида, звоните куда-нибудь, спасите меня!... За что он взъелся на меня? Где ваш муж? Пусть уберет его!

Иоанн. Ты боярыню соблазнил?

Якин. Я... я... Житие мое...

Иоанн. Пес смердящий! Какое житие?! Ты посмотри на себя! О, зол муж! Дьявол научиши ты долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и неисповедимым!...

Якин. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!... Ваш муж не имеет права делать такие опыты!! (Иоанну.) Паки, паки... Иже херувимы!... Ваше величество, смилуйтесь!

Иоанн. Покайся, любострастный прыщ!

Зинаида. Только не убивайте его! Якин. Каюсь!...

Иоанн. Преклони скверную твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни...

Якин. С удовольствием. Вы меня не поняли!!! Не поняли!...

Иоанн. Как тебя понять, когда ты ничего не говоришь!

Якин. Языками не владею, ваше величество!... Во сне это или наяву?...

Иоанн. Какая это курносая сидела у тебя?

Якин. Это эпизод, клянусь кинофабрикой! Зинаида Михайловна не поняла!

Иоанн. Любишь боярыню?

Якин. Люблю безумно!...

Иоанн. Как же ее не любить? Боярыня красотой лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союзна, телом избыльна... Чего же тебе надо, собака?!

Якин. Ничего не надо!... Ничего!

Иоанн. Так женись, хороняка! Князь отпускает ее.

Якин. Прошу вашей руки, Зина!

Зинаида. Вы меня не обманете на этот раз, Карп? Я так часто была обманута...

Якин. Клянусь кинофабрикой!

Иоанн. Клянись преподобным Сергием Радонежским!

Якин. Клянусь Сергием преподобным Радонежским!

Иоанн. Ну, слушай, борода многогрешная! Ежели я за тобой что худое проведу... то я тебя... я...

Якин. Клянусь Сергием...

Иоанн. Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалую тебе вотчиной в Костроме.

Якин (Зинаиде). Еще минута здесь, и меня свезут в сумасшедший дом!... Едем скорее отсюда?... Куда-нибудь!... Везите меня!...

Зинаида. Дорогой царь, нам на поезд пора.

Иоанн. Скатертью дорога!

Зинаида (Иоанну). Простите, что я вас беспокою... я не понимаю, как Кока не догадался... Вам нельзя в таком виде оставаться здесь... вас могут увидеть...

Иоанн. О господи, вседержитель!... Ведь я-то забыл, где я... Я забыл!...

Зинаида (берет костюм Милославского). Вы не сердитесь. Я советую вам переодеться. Не понимаю, откуда это тряпье? Карп, помогите ему.

Якин. Разрешите, я помогу вам. Пожалуйте за ширму.

Иоанн. Ох, бесовская одежда!... Ох, искушение!...

Иоанн и Якин уходят за ширму.

Зинаида. Я пока записку напишу Николаю Ивановичу. (Пишет.)

Якин (за ширмой). А у вас подтяжечек нету?

Иоанн. (за ширмой). Не лезь!

Якин. Слушаю-с...

Зинаида (читает;): "Кока! Я возвращалась, но опять уезжаю. Он едва не зарезал Якина, тот сделал предложение. Не выписывай... Зина".

Иоанн выходит из-за ширмы в костюме Милославского. Удручен.

Вот это другое дело! Боже, до чего на нашего Буншу похож! Только очков не хватает...

Якин. Вот очки валяются... Зинаида. Очень советую, наденьте очки. (Надевает на Иоанна очки.) Вылитый!

Иоанн (глянув в зеркало). Тьфу ты!...

Зинаида. Ну, позвольте вас поблагодарить... Вы очень темпераментный человек!

Иоанн. Мне здесь оставаться? Ох ты, господи!.. Как это гусли-то очарованные играют?

Якин. Это, изволите ли видеть, патефон...

Иоанн. Тебя не спрашивают.

Якин. Молчу... слушаюсь...

Зинаида. Очень просто, иголочку сюда, и подкрутить.

Патефон играет.

Вот видите... Вы сидите и играйте. А Кока придет, он вас выручит.

Якин. Что же это такое?... У меня путаются мысли... Патефон... Кока... Иоанн Грозный...

Зинаида. Да перестаньте вы нервничать! Ну, Иоанн, ну, Грозный!... Ну что тут особенно-го?... Ну, до свиданья!

Якин. Честь имею кланяться!

Иоанн. Ехать-то далеко?

Зинаида. О да!

Иоанн (Якину). Жалую тебе рясу с царского плеча.

Якин. Зачем же?

Зинаида. Ах, не противоречьте ему?

Якин. Да, да... (Облачается в рясу.)

Зинаида берет чемодан и выходит с Якиным.

Зинаида (в передней). А все-таки я счастлива! Поцелуйте меня!

Якин. Бред!! Бред!! Бред!! Клянусь Сергием Радонежским!... (Сбрасывает рясу и уходит с Зинаидой.)

Иоанн один. Подходит к патефону, заводит его. Пьет водку. Через некоторое время звонит телефон. Иоанн подходит, долго рассматривает трубку, потом снимает. На лице его ужас.

Иоанн (в трубку). Ты где сидишь-то? (Заглядывает под стол, крестится.)

Ульяна (в передней). Есть кто-нибудь? Ивана Васильевича не видели? (Стучит в дверь Тимофеева, потом входит.) Здравствуйте пожалуйста! Его весь дом ищет, водопроводчики приходили, ушли... жена, как проклятая, в магазине за селедками, а он сидит в чужой комнате и пьянствует!... Да ты что это, одурел? Шпака ограбили. Шпак по двору мечется, тебя ищет, а он тут! Ты что же молчишь? Батюшки, во что же это ты одет?

Иоанн, отвернувшись, заводит патефон.

Да что же это такое? Вы видели что-нибудь подобное? Он угорел? Батюшки, да у него на штанах дыра сзади!... Ты что, дрался, что ли, с кем? Ты что лицо-то отворачиваешь? Нет, ты синячищи-то покажи!

Иоанн поворачивается.

Голубчики милые!... На кого же ты похож? Да ты же окосел от пьянства! Да тебя же узнать нельзя!

Иоанн. Ты бы ушла отсюда. А?

Ульяна. Как это – ушла? Ты на себя в зеркало-то погляди!... В зеркало-то погляди!

Иоанн. Оставь меня, старушка, я в печали...

Ульяна. Старушка?! Как же у тебя язык повернулся, нахал? Я на пять лет тебя моложе!

Иоанн. Ну это ты врешь... Погадай мне, старая, погадай насчет шведов.

Ульяна. Да что же это такое?

Шпак появляется в передней, затем входит в комнату.

Шпак. Да где же он? Иван Васильевич, какой же вы управдом? Вы поглядите, как мою комнату обработали!

Ульяна. Нет, вы полюбуйте на голубчика!... Он же пьян, он же на ногах не стоит!

Шпак. Ай да управдом! Человека до ниточки обобрали, а он горный дубняк пьет!... Меня артистка обворовала!...

Иоанн. Ты опять здесь? Ты мне надоел!

Шпак. Какие это такие слова – надоел? Нам такого управдома не нужно!...

Ульяна. Очнись, разбойник! Попрут тебя с должности!

Иоанн. Э, да ты ведьма! (Берет у Ульяны селедки и выбрасывает их в переднюю.)

Ульяна. Хулиган!

Иоанн (вооружается посохом). Ох, поучу я тебя сейчас!

Ульяна. Помогите!... Муж интеллигентную женщину бьет!... (Убегает через парадный ход.)

Шпак потрясен.

Шпак. Иван Васильевич, вы успокойтесь... ну, выпил нервный мужчина... я вполне понимаю. Однако я не знал, что вы такой! Я думал, что вы тихий... и, признаться, у нее под башмаком... а вы – орел!...

Иоанн. Ведьма!...

Шпак. Откровенно признаться, да. Вы правы. Это даже хорошо, что вы ее так... Вы с ней поостроже... Я к вам по дельцу, Иван Васильевич.

Иоанн. Тебе чего надо?

Шпак. Вот список украденных вещей, уважаемый товарищ Бунша. Прошу засвидетельствовать... Украли два костюма, два пальто, двое часов, два портсигара, тут записано... (Подает бумагу.)

Иоанн. Как челобитную царю подаешь? (Рвет бумагу.)

Шпак. Иван Васильевич... вы выпивши, я понимаю... только вы не хулиганьте...

Иоанн. Ты мне надоел! Что у тебя украли, говори!

Шпак. Два пате... то есть один патефон...

Иоанн. Ну, забирай патефон. Подавись. Надоел.

Шпак. Позвольте, как же... ведь это чужой... совершенно как мой... А впрочем, пожалуйста!... А остальное-то как же? Ведь надо же подписать...

Иоанн. Да я же тебе гривну давал? Ты не брал? Суцеглупый!...

Шпак. Вот так пьян! Какую такую гривну? Никаких вы мне денег не давали. Вы придите в себя, Иван Васильевич... Мы на вас коллективную жалобу подадим!

Иоанн. Э, да ты не уймешься, я вижу... Что в вас, в самом деле, бесы вселились?... (Вынимает нож.)

Шпак. Помогите!... Управдом жильца режет!...

Тимофеев вбегает в переднюю, потом в комнату.

Тимофеев. Что это происходит? Где он? Кто вас переодел? Как вы его впустили?... Я же вам говорил, чтобы вы не открывали!...

Шпак. Вы гляньте, Николай Иванович, на нашего управдома!... Караул!... Я в милицию!...

Тимофеев (Иоанну). Остановитесь, или мы погибнем оба!

Иоанн прячет нож.

Шпак (бросаясь в переднюю). Я немедленно в милицию!...

Иоанн. Князь!... Ты его батогами с лестницы!...

Тимофеев (бросается вслед за Шпаком в переднюю). Умоляю вас, подождите!... Это не Бунша!...

Шпак. Как не Бунша?

Тимофеев. Это Иоанн Грозный... настоящий царь... погодите, погодите... я нормален... умоляю, не бегите в милицию!... Это мой опыт, моя машина времени!... Я вызвал его... Я открываю вам тайну, вы порядочный человек... Не срывайте мой опыт. Скандал все погубит. Я сейчас уберу его... только примерю ключ, вот ключ... Обещайте молчать? Дайте честное слово!

Шпак. Позвольте, так это царь?

Тимофеев. Царь...

Шпак. Что делается!...

Тимофеев. Молчите, потом все объяснится, потом... Даете слово, что ни одному человеку...

Шпак. Честное благородное слово.

Тимофеев. Ну, спасибо, спасибо. (Убегает в свою комнату. Иоанну.) Зачем же вы открыли двери? Я вас просил не открывать!

Шпак припадает к замочной скважине.

Иоанн. Пошто ты ему по роже не дал?

Тимофеев. Что вы, Иван Васильевич, не надо никому по роже, ради бога!... Тише, тише!... Вот ключ. Сейчас примерим. (Пытается вложить ключ.) Руки дрожат... А черт, немного велик... Ну, да ладно, сейчас подпилим... (Нажимает кнопки в аппарате.)

Комната Тимофеева гаснет. Освещается комната Шпака. Шпак закрывает за собой дверь.

Шпак. Монета-то, стало быть, настоящая была!... Эх-эх-эх!... (Говорит по телефону шепотом.) Милицию. Милиция? Говорит сегодняшней обокраденный Шпак... Нет, не сердитесь, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище... Инженер Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя... Я непьющий... С посохом... Что делается! Даю честное слово! Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам добегу!...

Тьма.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Звон. Тьма. Освещается палата Иоанна. Бунша и Милославский влетают в палату.

Милославский. Вот черт вас возьми с этими опытами! Вот это так так!

Бунша (кидаясь на стену). Товарищ Тимофеев! Товарищ Тимофеев! Как управдом я требую немедленного прекращения этого опыта! На помощь! Куда же это мы попали?

Милославский. Перестань орать! Это нас к Иоанну Грозному занесло.

Бунша. Не может быть! Я протестую!

Зловещий шум и набат.

Милославский (запирает дверь на ключ, выглядывает в окно, отчего шум усиливается. Отскакивает). Вот попали так попали!

Бунша. Это нам мерещится, этого ничего нету, Николай Иванович, вы ответите за ваш антисоветский опыт!

Милославский. Вы дурак! Ой, как они кричат!

Бунша. Они не могут кричать, это обман зрения и слуха, вроде спиритизма. Они умерли давным-давно. Призываю к спокойствию! Они покойники.

В окно влетает стрела.

Милославский. Видали, как покойники стреляют?!

Бунша. То есть... позвольте... вы полагаете, что они могут учинить над нами насилие?

Милославский. Нет, я этого не полагаю. Я полагаю, что они нас убьют к лешему. Что бы это сделать, братцы, а? Братцы!...

Бунша. Неужели это правда? Николай Иванович, вызывайте милицию? Без номера! Погибнуть во цвете лет!... Ульяна Андреевна в ужасе!... Я не сказал ей, куда пошел... Кровь стынет в жилах!...

Грохот в дверь, голос: "Отворяй, собака!"

Кому это он?

Милославский. Вам.

Бунша (в щелку двери). Попрошу не оскорблять! Я не собака! Поймите, что вас не существует! Это опыт инженера Тимофеева!

Грохот.

От имени жильцов дома прошу, спасите меня.

Милославский открывает дверь в соседнее помещение.

Милославский. Одежа! Царская одежда! Ура, пофартило!

Голос: "Отворяй! На дым пустим палату!"

(Надевая кафтан.) Надевай скорей царский капот, а то пропадем!

Бунша. Этот опыт переходит границы!

Милославский. Надевай, убью!...

Бунша надевает царское облачение.

Ура! Похож! Ей-богу, похож! Ой, мало похож! Профиль портит!... Надевай шапку... Будешь царем...

Бунша. Ни за что!

Милославский. Ты что же, хочешь, чтобы и меня из-за тебя ухлопали? Садись за стол, бери скипетр... Дай зубы подвяжу, а то не очень похож... Ой, халтура! Ой, не пройдет! У того лицо умней...

Бунша. Попрошу не касаться лица!

Милославский. Молчи! Садись, занимайся государственным делом. На чем они остановились? Царь и великий князь... повторяй... всея Руси...

Бунша. Царь и великий князь всея Руси...

Дверь раскрывается, вбегают опричники, и с ними Дьяк.

Остолбеневают.

Милославский (Бунше). Так вы говорите... царь и великий князь? Написал. Запятая... Где это наш секретарь запропастился?

Пауза.

В чем дело, товарищи? Я вас спрашиваю, драгоценные, в чем дело? Какой паразит осмелился сломать двери в царское помещение? Разве их для того вешали, чтобы вы их ломали? (Бунше.) Продолжайте, ваше величество... челом бьет... точка с запятой... (Опричникам.) Я жду ответа на поставленный мною вопрос. Опричники (в смятении). Царь тут... царь тут...

Дьяк. Тут царь...

Милославский. А где же ему быть? Вот что, голубчики, положи оружие!... Не люблю этого.

Опричники бросают бердыши.

Дьяк (Бунше). Не вели казнить, великий государь надежа... демоны тебя схватили, мы и кинулись... хватя, ан демонов-то и нету!

Милославский. Были демоны, этого не отрицаю, но они ликвидировались. Попрошу эту глупую тревогу приостановить. (Дьяку.) Ты кто такой?

Дьяк. Федька... дьяк посольского приказу... с царем пишем...

Милославский. Подойди сюда. А остальных прошу очистить царскую жилплощадь. Короче говоря, все вон! Видите, вы царя напугали! Вон! (Бунше, шепотом.) Рывкни на них, а то они не слушают.

Бунша. Вон!!

Опричники бросаются в ноги, потом выбегают вон. Дьяк бросается несколько раз в ноги.

Милославский. Ну, довольно кувыркаться. Кинулся раз, кинулся два, хватит.

Дьяк. Не гляди на меня, аки волк на ягня... Прогневили мы тебя, надежа-государь!...

Милославский. Я думаю, но мы тебя прощаем.

Дьяк. Что же это у тебя, государь, зубки-то подвязаны? Али хворь приключилась?

Милославский (Бунше, тихо). Ты не молчи, как пень, однако! Я не могу один работать!

Бунша. Зубы болят, у меня флюс.

Милославский. Периостит у него, не приставай к царю.

Дьяк. Слушаю. (Бросается в ноги.)

Милославский. Федя, ты брось кланяться... Этак ты до вечера будешь падать... Будем знакомы. А ты что на меня глаза вытарацил?

Дьяк. Не гневайся, боярин, не признаю я тебя... Али ты князь? Милославский. Я, пожалуй, князь, да. А что тут удивительного?

Дьяк. Да откуда ты взялся в палате-то царской? Ведь тебя не было? (Бунше.) Батюшка-царь, кто же это такой? Не томи!...

Бунша. Это приятель Антона Семеновича Шпака.

Милославский (тихо). Ой, дурак! Такие даже среди управдомов редко попадаются... (Вслух.) Ну да, другими словами, я князь Милославский. Устраивает вас это?

Дьяк (впадая в ужас). Чур меня! Сгинь!...

Милославский. Что такое? Опять не слава богу? В чем дело?

Дьяк. Да ведь казнили тебя намеренно...

Милославский. Вот это новость! Брось трепаться, как так казнили?

Бунша (тихо). Ой, начинается!...

Дьяк. Повесили тебя на собственных воротах третьего дня перед спальней, по приказу царя.

Милославский. Ай, спасибо! (Бунше.) Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыплемся. (Тихо.) Что же ты молчишь, сволочь? (Вслух.) А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?

Дьяк. Ванька-разбойник.

Милославский. Ага. А я, наоборот, Жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него отмежевался. И обратно – царский любимец и приближенный человек. Ты что на это скажешь?

Дьяк. Вот оно что! То-то я гляжу, похож, да не очень. А откуда же ты тут-то взялся?

Милославский. Э, дьяк Федя, до чего ты любопытный! Тебе бы в уголовном розыске служить! Приехал я внезапно, сюрпризом, как раз когда у вас эта мура с демонами началась... Ну, я, конечно, в палату, к царю, где и охранял ихнюю особу.

Дьяк. Исполать тебе, князь!

Милославский. И все в порядочке!

За сценой шум.

Чего это они опять разорались? Сбегай, Федюша, узнай.

Дьяк выбегает.

Бунша. Боже мой, где я? Что я? Кто я? Николай Иванович!!

Милославский. Без истерики!

Дьяк возвращается.

Дьяк. Опричники царя спасенного видеть желают. Радуются.

Милославский. Э, нет. Это отпадает. Некогда. Некогда. Радоваться потом будем. (Бунше.) Услать их надо немедленно куда-нибудь. Молчит, проклятый! (Вслух.) А что, Фединька, войны никакой сейчас нету?

Дьяк. Как же это нету, кормилец? Крымский хан да шведы прямо заедают! Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!...

Милославский. Что ты говоришь? Как же это вы так допустили, а?

Дьяк бросается в ноги.

Встань, Федор, я тебя не виню. Ну, вот чего... садись, пиши царский указ. Пиши. Послать опричников выбить крымского хана с Изюмского шляха. Точку поставь.

Дьяк. Точка. (Бунше.) Подпиши, великий государь. Бунша (шепотом). Я не имею права по должности управдома такие бумаги подписывать.

Милославский. Пиши. Ты что написал, голова дубовая? Управдом? И печать жакта приложил?... Вот осел! Пиши: Иван Грозный. (Дьяку.) На.

Дьяк. Вот словечко-то не разберу...

Милославский. Какое словечко? Ну, ге... ре... Грозный.

Дьяк. Грозный?

Милославский. Что ты, Федька, цепляешься к каждому слову! Что, он не грозен, по-твоему? Не грозен? Да накричи ты, наконец, на него, великий государь, натопай ножками! Что же это он тебя не слушает?

Бунша. Да как вы смеете?! Да вы!... Да я вас!...

Дьяк (валясь в ноги). Узнал таперича! Узнал тебя, батюшка-царь...

Милославский. Ну, то-то. Да ты скажи им, чтобы они обратно не торопились. Какое бы им еще поручение дать? Поют потехи брани... дела былых времен... И взятие Казани... ты им скажи, чтобы они на обратном пути заодно Казань взяли... чтобы два раза не ездить...

Дьяк. Как же это, батюшка... чтоб тебя не прогневить... Ведь Казань-то наша... ведь мы ее давным-давно взяли...

Милославский. А... Это вы поспешили... Ну, да раз взяли, так уж и быть. Не обратно же ее отдавать... Ну, ступай, и чтобы их духу здесь не было через пять минут.

Дьяк выбегает.

Ну, пошли дела кой-как. Что дальше будет, впрочем, неизвестно. Что же он не крутит свою машинку назад?

Бунша. Я должен открыть вам ужасную тайну. Я с собой ключ в панике захватил. Вот он.

Милославский. Чтоб ты сдох, проклятый! Все из-за тебя, дурака! Что же мы теперь будем делать? Ну, ладно, тише, дьяк идет.

Дьяк (входит). Поехали, великий государь.

Милославский. Не удивились? Ну и прекрасно. Дальше чего на очереди?

Дьяк. Посол шведский тут.

Милославский. Давай его сюда.

Дьяк впускает Шведского посла. Тот, взглянув на Буншу, вздрагивает, потом начинает делать поклоны.

Посол. Пресветлейши... вельможнейши... государ... (Кланяется.) Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейх зандте мих, зейнен трейен динер, цу имен, царь и фелики князе Иван Василевич Усарусса, дамит ди фраге фон Кемска волост, ди ди румфоллвюрдиге шведише арме эроберы хат, фрейвиллиг ин орднунг бринген...

Милославский. Так, так... интурист хорошо говорит... но только хоть бы одно слово понять! Надо бы переводчика, Фединька!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин, да мы его анадьсь в кипятке сварили.

Милославский. Федя, это безобразие! Нельзя так с переводчиками обращаться! (Бунше.) Отвечай ему что-нибудь... а то ты видишь, человек надрывается.

Бунша. Я на иностранных языках только революционные слова знаю, а все остальное забыл.

Милославский. Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... Как рыба на троне! (Послу.) Продолжайте, я с вами совершенно согласен.

Посол. Ди фраге фон Кемска волост... Шведише арме хат зи эроберн... Дер гроссер кениг дес шведишен кенигс рейхе зандте мих... унд... Дас ист зер эрнсте фраге... Кемска волост...

Милославский. Правильно. Совершенно правильно. (Дьяку.) Интересно бы хоть в общих чертах узнать, что ему требуется... Так сказать, идеяка... смысл... Я, как назло, в шведском языке не силен, а царь нездоров...

Дьяк. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую во-

лость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!...

Милославский. Так что же ты молчал? Кемскую волость?

Посол. О, я... о, я...

Милославский. Да об чем разговор? Да пушай забирают на здоровье!... Господи, я думал, что!...

Дьяк. Да как же так, кормилец?!

Милославский. Да кому это надо? (Послу.) Забирайте, забирайте, царь согласен. Гут.

Дьяк. О господи Исусе!

Посол (обрадован, кланяется). Канн их мих фрейцелен унд ин мейн фатерланд цурюккерен?

Дьяк. Он спрашивает, можно ли ему домой ехать?

Милославский. А, конечно! Пускай сегодня же и едет. (Послу.) Оревуар.

Посол (кланяясь). Вас бэфельт цар и фелики кнезе Иван Василевич ден гроссен кениг дес Шведенс хинтербринген?

Дьяк. Он спрашивает: чего королю передать?

Милославский. Мой пламенный привет.

Бунша. Я не согласен королю пламенные приветы передавать. Меня общественность загрызет.

Милославский. Молчи, бузотер. (Обнимает посла, и у того с груди пропадает драгоценный медальон.) Ауфвидерзеен. Королю кланяйтесь и скажите, чтобы пока никого не присылал. Не надо. Нихтс.

Посол, кланяясь, уходит с Дьяком.

Приятный человек. Валюты у него, наверно, в кармане, воображаю!...

Бунша. Я изнемогаю под тяжестью государственных преступлений, которые мы совершили. О боже мой! Что теперь делает несчастная Ульяна Андреевна? Она, наверно, в милиции. Она плачет и стонет, а я царствую против воли... Как я покажусь на глаза общему нашему собранию?

Дьяк входит и ищет что-то на полу.

Милославский. Ты чего, отец, ползаешь?

Дьяк. Не вели казнить, государь... Посол королевский лик с груди потерял... на нем алмазы граненые...

Милославский. Нельзя быть таким рассеянным.

Дьяк. Вошел сюда – был, а вышел – нету...

Милославский. Так всегда и бывает. В театрах это постоянно в буфете. Смотреть надо за вещами, когда в комнатуходишь. Да отчего ты так на меня тарачишься? Уж не думаешь ли ты, что я взял?

Дьяк. Что ты, что ты?!

Милославский (Бунше). Ты не брал?

Бунша. Может быть, за трон завалился? (Ищет.)

Милославский. Ну, нету! Под столом еще посмотри. Нету и нету.

Дьяк. Ума не приложу... вот горе! (Уходит.)

Бунша. Происшествия все ужаснее и ужаснее. Что бы я отдал сейчас, чтобы лично явиться и заявить о том, что я нашелся. Какое ликование поднялось бы! Дьяк (входит). Патриарх тебя видеть желает, государь. Радуетя.

Бунша. Чем дальше, тем хуже!

Милославский. Скажи ему, что мы просим его сюда в срочном порядке.

Бунша. Что вы делаете? В присутствии служителя культа я не могу находиться в комнате, я погиб.

Колокольный звон. Входит Патриарх.

Патриарх. Здравствуй, государь, нынешний год и впредь идущие лета! Вострубим, братие, в золотокованные трубы! Царь и великий князь яви нам зрак и образ красен! Царь, в руках демонов побывавший, возвращается к нам. Подай же тебе, господи, самсонову силу, александрову храбрость, соломонову мудрость и кротость давидову! Да ты славят все страны и всякое дыхание человеке и ныне и присно и во веки веков!

Милославский (аплодируя). Браво! Аминь! Ничего не в силах прибавить к вашему блестящему докладу, кроме одного слова – аминь!

Хор запел многолетие. Милославский отдает честь, поет что-то веселое и современное.

(Бунше.) Видишь, как тебя приветствуют! А ты хныкал!... (Патриарху.) Воистину воскрес, батюшка! (Обнимает Патриарха, причем у того с груди пропадает панагия.) Еще раз благодарю вас, батюшка, от царского имени и от своего также благодарю, а затем вернитесь в собор, к вашим угодникам. Вы совершенно и абсолютно свободны, в хоре надобности тоже нет. А в случае чего-нибудь экстренного мы вас кликнем. (Провожает Патриарха до дверей, отдавая ему честь.)

Патриарх уходит с Дьяком.

Дьяк тотчас вбегает в смятении обратно.

Чего еще случилось?

Дьяк. Ох, поношение! У патриарха панагию с груди...

Милославский. Неужто сперли?

Дьяк. Сперли!

Милославский. Ну уж, это мистика какая-то! Что же это у вас делается, ась?

Дьяк. Панагия – золота на четыре угла, яхонт лазоревый, два изумруда...

Милославский. Это безобразие?

Дьяк. Что делать прикажешь, князь? Уж мы воров и за ребра вешаем, а все извести их не можем.

Милославский. Ну зачем же за ребра вешать? Уж тут я прямо скажу, что я против. Это типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко. Ты ступай к патриарху и как-нибудь так поласковее с ним... утешь его... Что он, очень расстроился?

Дьяк. Столбом стоит.

Милославский. Ну, оно понятно. Большие потрясения от этого бывают. Уж кому-кому, а мне приходилось видеть в театрах...

Дьяк выбегает.

Бунша. Меня начинают терзать смутные подозрения. У Шпака – костюм, у посла – медальон, у патриарха – панагия...

Милославский. Ты на что намекаешь? Не знаю, как другие, а я лично ничего взять не могу. У меня руки так устроены... ненормально. Мнев пяти городах снимки с пальцев делали... ученые... и все начальники единогласно утверждают, что с такими пальцами человек присвоить чужого не может. Я даже в перчатках стал ходить, так мне это надоело.

Дьяк (входит). Татарский князь Едигей к государю.

Милославский. Э, нет! Этак я из сил выбьюсь. Объявляю перерыв на обед.

Дьяк. Царь трапезовать желает.

Тотчас столтники вносят кушанья, за столы появляются гусяры.

Бунша. Это сон какой-то!... Милославский (Дьяку). Это что?

Дьяк. Почки заячьи верченые да головы щучьи с чесноком... икра, кормилец. Водка анисовая, приказная, кардамонная, какая желаешь.

Милославский. Красота!... Царь, по стопочке с горячей закуской!... (Пьет.) Ко мне, мои тиуны, опричники мои!...

Бунша пьет.

Дьяк. Услали же, батюшка-князь, опричников!

Милославский. И хорошо сделали, что услали, ну их в болото! Без отвращения вспомнить не могу. Манера у них сейчас рубить, крошить! Секиры эти... Бандиты они, Федя. Простите, ваше величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты! Вотр сантэ!

Бунша. Вероятно, под влиянием спиртного напитка нервы мои несколько успокоились.

Милославский. Ну, вот. А ты, Федя, что ты там жмешься возле почек? Ты выпей, Федюня, не стесняйся. У нас попросту. Ты мне очень понравился. Я бы без тебя, признаться, как без рук был. Давай с тобой на брудершафт выпьем. Будем дружить с тобой, я тебя выучу в театр ходить... Да, ваше величество, надо будет театр построить;

Бунша. Я уже наметил кое-какие мероприятия и решил, что надо будет начать с учреждения жактов.

Милославский. Не велите казнить, ваше величество, но, по-моему, театр важнее. Воображаю, какая сейчас драка на Изюмском шляхе идет! Как ты думаешь, Федя? Что, у вас яхонты в магазины принимают?

Дьяк. Царица к тебе, великий государь, видеть желает.

Бунша. Вот тебе раз! Этого я как-то не предвидел. Боюсь, чтобы не вышло недоразумения с Ульяной Андреевной. Она, между нами говоря, отрицательно к этому относится. А впрочем, ну ее к черту, что я ее, боюсь, что ли?

Милославский. И правда.

Бунша снимает повязку.

Повязку это ты зря снял. Не царская, говоря откровенно, у тебя физиономия.

Бунша. Чего? Попрошу вас?! С кем говоришь?

Милославский. Молодец! Ты бы раньше так разговаривал!

Появляется Царица, и Бунша надевает пенсне.

Царица (в изумлении). Пресветлый государь, княже мой и господин! Дозволь рабыне твоей, греемой милостью твоею...

Бунша. Очень рад. (Целует руку царицы.) Очень рад познакомиться. Позвольте вам представить: дьяк... и гражданин Милославский. Прошу вас к нашему столику.

Милославский. Ты что плетешь? Сними, гад, пенсне.

Бунша. Но-но-но! Человек! Почки один раз царице! Простите, ваше имя-отчество не Юлия Владимировна?

Царица. Марфа Васильевна я...

Бунша. Чудесно, чудесно!

Милославский. Вот разошелся! Э-ге-ге? Да ты, я вижу, хват! Вот так тихоня!

Бунша. Рюмку кардамонной, Марфа Васильевна.

Царица (хихикая). Что вы, что вы...

Бунша. Сейчас мы говорили на интереснейшую тему. Вопрос об учреждении жактов.

Царица. И все-то ты в трудах, все в трудах, великий государь, аки пчела!

Бунша. Еще рюмку, под щучью голову.

Царица. Ой, что это вы...

Бунша (Дьяку). Вы что на меня так смотрите? Я знаю, что у тебя на уме! Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? Сознавайся!

Дьяк валится в ноги.

Нет, ты сознавайся, плут... Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. (Царице.) Это я, уважаемая Марфа Васильевна, их разыгрывал. Что? Молчать! (Дьяку.) Скажите, пожалуйста, что у вас, нет отдельного кабинета?

Милославский. Милые! Да он нарезался! Да ведь как быстро, как ловко! Надо спасти положение. (Гусярам.) Да что вы, граждане, молчите? Гряньте нам что-нибудь.

Гусяры заиграли и запели.

Гусяры (поют). А не сильная туча затучилась... А не сильные громы грянули... Куда едет собака крымский царь...

Бунша. Какая это собака? Не позволю про царя такие песни петь! Он хоть и крымский, но не собака! (Дьяку.) Ты каких это музыкантов привел? Распустились здесь без меня!

Дьяк валится в ноги.

Милославский. Что, Федюша, у вас нарзану нету?

Бунша. Пускай они румбу играют! Гусяры. Ты, батюшка, только скажи, как это... а мы перейдем... мы это сейчас...

Бунша напевает современный танец. Гусяры играют его.

Бунша (Царице). Позвольте вас просить на один тур, Юлия Васильевна.

Царица. Ой, срамota? Что это ты, батюшка-царь...

Бунша. Ничего, ничего. (Танцует с Царицей.)

Дьяк рвет на себе волосы.

Милославский. Ничего, Федя, не расстраивайся! Ну, перехватил царь, ну, что такого... с кем не бывало! Давай с тобой! (Танцует с Дьяком.)

Набат и шум. Гусяры замолчали.

Это мне не нравится, что еще такое?

Дьяк выбегает, потом возвращается.

Дьяк. Беда, беда! Опричники взбунтовались, сюда едут! Кричат, что царь ненастоящий. Самозванец, говорят!

Царица. Ох-ти мне, молодой! С ненастоящим плясала... Ох, чернеческий чин наложат!... Ой, погибель моя!... (Убегает.)

Милославский. Как, опричники? Они же на Изюмский шлях поехали!

Дьяк. Не доехали, батюшка. Смутили их. От заставы повернули.

Милославский. Какой же гад распространил этот гнусный слух?

Дьяк. Патриарх, батюшка, патриарх.

Милославский. Дорогой самодержец, мы пропали!

Бунша. Я требую продолжения танца! Как пропали? Граждане, что делать?

Гусляры исчезают вместе с Дьяком.

Николай Иванович, спасите!

Шум ближе. Звон. Тьма. Свет. Стенка распадается, и рядом с палатой появляется комната Тимофеева.

Тимофеев. Скорее, Иван Васильевич!

Иоанн (застегивая царское облачение). Слава тебе господи!

Тимофеев. Вот они, живы!

Милославский. Живы, живы! (Бунше.) Вали, вали, вали! (Вбегает с Буншей к Тимофееву.)

Иоанн (при виде Бунши). Ой, сгинь, пропади!

Милославский. Временно, временно, отец, не волнуйся!

Иоанн вбегает в палату.

Иван Васильевич! Имейте в виду, что мы шведам Кемскую волость отдали! Так что все в порядке!

Иоанн. Шведам – Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети?!

В палату вбегают Опричник и Дьяк.

Шведам – Кемь? А ты, лукавый дьяк, куда смотрел?

Дьяк валится в ноги. Иоанн в ярости валит Дьяка на аппарат. Дьяк тотчас вскакивает, бросается в палату. Тьма. Свет. Палаты нет.

Тимофеев. Аппарат мой! Аппарат! Раздавили! Что вы наделали? Зачем вы его разозлили??... Погибло мое изобретение!

В передней появляются милиция и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники, гляньте! Тимофеев. Ах ты, подлец! Милиция. Эге!... (Бунше.) Вы – царь? Ваше удостоверение личности, гражданин.

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товарищи! Мы с маскарада, из парка культуры и отдыха мы. (Снимает боярское облачение.)

Бунша снимает царское облачение. На груди Милославского – медальон и панагия.

Бунша. Оправдались мои подозрения! Он патриарха обокрал и шведского посла!

Шпак. Держите его! Мой костюм!

Милиция. Что же вы, гражданин, милицию путаете? Они воры?

Шпак. Воры, воры! Они же крадут, они же царями притворяются!

Появляется Ульяна Андреевна.

Ульяна. Вот он где! Что это, замели тебя? Дождался, пьяница!

Бунша. Ульяна Андреевна! Чистосердечно признаюсь, что я царствовал, но вам не изменил, дорогая Ульяна Андреевна! Царицей соблазнили, дьяк свидетель!

Ульяна. Какой дьяк? Что ты порешь, алкоголик? Какой он царь, товарищи начальники! Он – управдом!

Тимофеев. Молчите все! Молчите все! Мой аппарат, моя машина погибла! А вы об этих пустяках... Да, это я, я сделал опыт, но нужно же такое несчастье на каждом шагу... явился этот болван управдом и ключ утащил с собой! Старый рамоли, князь-развалина... и этот разозлил Ивана Грозного! И вот нет моего аппарата! А вы об этой ерунде!

Милиция. Вы кончили, гражданин?

Тимофеев. Кончил.

Милиция (Милославскому). Ваше удостоверение?

Милославский. Ну, чего удостоверение? Что же удостоверение? Милославский я, Жорж.

Милиция (радостно). А! Так вы в Москве, стало быть?

Милославский. Не скрою. Прибыл раньше времени.

Милиция. Ну-с, пожалуйста все в отделение.

Бунша. С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю.

Милославский. Эх, Коля, академик! Не плачь! Видно, уж такая судьба! А насчет панагии, товарищи, вы не верьте, это мне патриарх подарил.

Милиция выводит всех из квартиры. В ту же минуту гаснет свет в комнате Тимофеева. Радостный голос в рупоре в передней: "Слушайте продолжение "Псковитянки". И тотчас грянули колокола и заиграла хриплая музыка. Комната Тимофеева освещается, Тимофеев спит в той самой позе, как заснул в первом акте.

Тимофеев. Скорей, скорей, Иван Васильевич... Фу, черт, да я заснул! Боже, какая ерунда приснилась... Аппарат-то цел? Цел. Батюшки, меня жена бросила... Да нет, это во сне. Слава богу, во сне. А вдруг... Косинус... черт, надоел мне с колоколами...

Передняя освещается. Входит Зинаида.

Зинаида. Коля, это я.

Тимофеев. Зиночка, ты!

Зинаида. Ты так и не ложишься? Колька, ты с ума сойдешь, я тебе говорю. Я тебе сейчас дам чаю, и ложись... Нельзя так работать.

Тимофеев. Зина, я хотел тебя спросить... видишь ли, я признаю свою вину... я действительно так заработался, что обращал мало внимания на тебя в последнее время... Косинус... ты понимаешь меня?

Зинаида. Ничего не понимаю.

Тимофеев. Ты где сейчас была?

Зинаида. На репетиции.

Тимофеев. Скажи мне, только правду. Ты любишь Якина?

Зинаида. Какого Якина?

Тимофеев. Не притворяйся. Очень талантлив... ему действительно дадут квартиру? Ну, словом, он ваш кинорежиссер.

Зинаида. Никакого Якина-режиссера нету у нас.

Тимофеев. Правда?

Зинаида. Правда.

Тимофеев. А Молчановского нету? Зинаида. И Молчановского нету.

Тимофеев. Ура! Это я пошутил.

Зинаида. Я тебе говорю, ты с ума сойдешь!

Стук в дверь.

Да, да!

Вбегает Шпак.

Тимофеев. Антон Семенович, мне сейчас приснилось, что вас обокрали.

Шпак (заливаясь слезами). Что приснилось? Меня действительно обокрали!

Тимофеев. Как?

Шпак. Начисто. Пока был на службе. Патефон, портсигар, костюм! Батюшки! И телефонный аппарат срезали!... Зинаида Михайловна, позвольте позвонить. Батюшки! (Бросается к телефону.) Милицию! Где наш управдом?

Зинаида (распахнув окно, кричит). Ульяна Андреевна! Где Иван Васильевич? Шпака обокрали!

В радиорупоре сильнее грянула музыка.

Занавес

Конец

КОММЕНТАРИИ

Впервые опубликована вторая редакция комедии: Булгаков М. А. Драмы и комедии. М., 1965. Затем: Булгаков М. А. Пьесы. Составители Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. М., Советский писатель, 1986; Булгаков М. А. Кабала святош. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. М., Современник, 1991.

Публикуется по расклейке последнего издания; сверено с машинописью, хранящейся в фонде 562, к. 14 ед. хр. 2, ОР РГБ.

В 1965 году публикация была осуществлена с благословения Е. С. Булгаковой. Л. Е. Белозерская тоже выбрала для публикации вторую редакцию. В третьем томе Собрания сочинений (1990) и сборнике "Пьесы 30-х годов" (1994) публикуется первая редакция пьесы по машинописному списку, хранящемуся в РГАЛИ, ф. 656 (фонд Главреперткома), оп. 3. ед. хр. 329. На этом списке есть подписи рецензентов Реперткома 9 и 25 декабря 1940 г. и штамп: "Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром Комитета по делам искусств. Разрешается только к печати..." Но в то время пьеса не была опубликована.

Публикатор и автор примечаний к пьесе "Иван Васильевич" в Собрании сочинений в пяти томах, Я. С. Лурье, сравнив обе редакции, пришел к выводу: "Главное различие между первой редакцией и второй (к которой примыкает также сценическая версия, созданная в Театре Сатиры) заключается в том, что история с машиной времени, созданной изобретателем Тимофеевым, описывалась в первой редакции как реально происшедшая, а во второй – как сон Тимофеева. Переделка эта была вынужденной: на одном из экземпляров второй редакции (РГБ, ф.562, к 14 ед. хр. 2) было надписано: "Поправки по требованию и приделанный сон". Другие "поправки по требованию" выразились в том, что был удален текст, читавшийся в начале и конце первого акта: лекция "свиновода" по радиорепродуктору. О том, что мотив этот имел отнюдь не безобидный характер, свидетельствуют слова Тимофеева в финале, когда его, вместе с двумя путешественниками в прошлое, арестовывает милиция: "Послушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное?..." (первоначальный текст первой редакции). Тема пьесы здесь заметно перекликалась с темой "Собачьего сердца". Во второй редакции пьеса стала начинаться передачей по радио музыки "Псковитянки" (чем и мотивировался сон Тимофеева), а заканчиваться пробуждением Тимофеева. Слова управдома в первом акте, что жильцы дома "рассказывают про советскую жизнь такие вещи, которые рассказывать неудобно", были заменены во второй редакции на: "рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно". (См.: Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах. М., Художественная литература, 1990, т. 3, с. 674).

После того как Театр отказался от "Блаженства", предложив на этом материале написать новую пьесу – комедию об Иване Васильевиче Грозном, попавшем в советскую эпоху, Булгаков

без всякого воодушевления принял эти рекомендации. Но потом эта идея все больше и больше захватывала его. И не удивительно: чуть ли не при каждой встрече с теми, кто слушал чтение его пьесы, говорилось, что надо написать новую пьесу, используя все ту же машину времени: из этого можно извлечь много комедийных положений, конфликтов, можно от души посмеяться над прошлыми и нынешними нравами и обычаями. Так, Е. С. Булгакова записывает в "Дневнике": 30 сентября 1934. "Вчера у меня была встреча с Веровым – новым заместителем директора в Сатире. Театр усиленно просит М. А. согласиться на переделки "Блаженства". 7 мая 1935: "У нас вечером: Горчаков, Веров, Калинин (из Сатиры). Просят, умоляют переделать "Блаженство". М. А. прочитал им те отрывки, что сделал. Обещал им сдать к первому декабря". 17 октября 1935. "Звонок из Реперткома в Сатиру (рассказывает Горчаков): Пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного? Ничего не нашли. Замечательная фраза: "А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?" Двадцатого придется М. А. ехать туда с Горчаковым".

20 октября 1935 года скорее всего Булгаков не ездил в Репертком. Поехали туда Калинин и Горчаков. И привезли к Булгакову одного из сотрудников Реперткома – Млечина. "Последний – записывает Е. С. Булгакова, – никак не может решиться – разрешить "Ивана Васильевича". Сперва искал в пьесе вредную идею. Не найдя, расстроился от мысли, что в ней никакой идеи нет. Сказал: "Вот если бы такую комедию написал, скажем, Афиногенов, мы бы подняли на щит... Но Булгаков!..." И тут же выдал с головой Калинин, сказав ему: "Вот ведь есть же и у вас опасения какие-то..."

29 октября 1935: "Ночью звонок Верова: "Ивана Васильевича" разрешили с небольшими поправками". 31 октября: "Мы вечером в Сатире. М. А. делал поправки цензурные". 1 ноября: "М. А. читал труппе "Ивана Васильевича". Громадный успех". 18 ноября: "Первая репетиция "Ивана Васильевича" (См.: "Дневник", с. 73-109).

9 марта 1936 года, М. А. Булгаков, прочитав статью в "Правде" "Внешний блеск фальшивое содержание", сказал: "Конец "Мольеру", конец "Ивану Васильевичу". Действительно, "Мольера" сняли тут же, а с "Иваном Васильевичем" история еще продолжалась некоторое время.

Но Театр тут же потребовал дополнительных переделок. 5 апреля: "М. А. диктует исправления к "Ивану Васильевичу".

Несколько дней назад Театр сатиры пригласил для переговоров. Они хотят выпускать пьесу, но боятся неизвестно чего. Просили о поправках. Горчаков придумал бог знает что: ввести в комедию пионерку, положительную. М. А. наотрез отказался. Идти по этой дешевой линии!"

11 мая: "Репетиция "Ивана Васильевича" в гримах и костюмах. Без публики. По безвкусию и безобразию это редкостная постановка. Горчаков почему-то испугался, что роль Милославского (блестящий вор – как его задумал М. А.) слишком обаятельна и велел Полю сделать грим какого-то поросенка рыжего, с дефективными ушами. Хорошо играют Курихин и Кара-Дмитриев. Да, слабый, слабый режиссер Горчаков. Ик тому же трус".

13 мая: "Генеральная без публики "Ивана Васильевича". (И это бывает – конечно, не у всех драматургов!) Впечатление от спектакля такое же безотрадное. Смотрели спектакль (кроме нашей семьи – М. А., Евгений и Сергей, Екатерина Ивановна и я) – Боярский, Ангаров из ЦК партии, и к концу пьесы, даже не снимая пальто, держа в руках фуражку и портфель, вошел в зал Фурер, – кажется, он из МК партии.

Немедленно после спектакля пьеса была запрещена. Горчаков передал, что Фурер тут же сказал: – Ставить не советую" ("Дневник", с. 118-120).

На этом сценическая история "Ивана Васильевича" закончилась.

В критике чаще всего мелькала мысль, что М. Булгаков в этой пьесе высказался резко отрицательно об Иване Грозном и результатах его царствования. Так, в частности, Я. С. Лурье писал: "Изображение эпохи Грозного в "Иване Васильевиче" было однозначным и весьма выразительным. Изображенный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и чудовищно-абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации" (См.: т. 3, с. 676.). Вряд ли с этим можно согласиться. У Булгакова нет однозначных решений, всегда явление у него показано многогранным, многозначным, даже в комедийной интерпретации. Так и здесь Иван Грозный суров,

беспощаден, но вместе с тем умен, справедлив, щедр... Образ его выразителен и не однозначен.

Много лет с успехом "Иван Васильевич" шел в Театре киноактера, во многих других театрах России и стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.